



ЖУРНАЛ СОЗДАН В 1997 Г. ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ И ПРИ УЧАСТИИ ДУХОВНИКА ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ АРХИМАНДРИТА КИРИЛЛА (ПАВЛОВА)

СОДЕРЖАНИЕ

СВЯТИТЕЛЬСКОЕ СЛОВО

- 1** *Архиепископ Верейский Евгений.*
Великий праздник новомучеников

ГЕРОИ ДУХА

- 4** Духовная личность столетия

СИМФОНИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

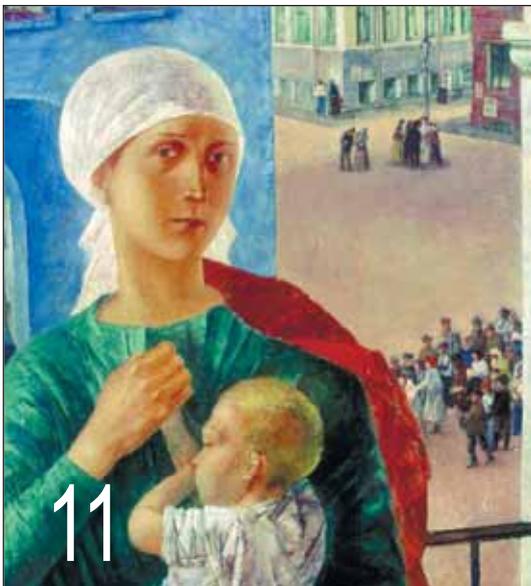
- 6** Путь к Храму
8 *Митрополит Калужский и Боров-
ский Климент.* Наше главное сокровище – православная вера



- 26** *Константин Долгов.* Эпоха потерь и обретений
32 *Владимир Крупин.* Господь и Божия Матерь не оставили Россию

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

- 34** *Преподобный Паусий Святогорец:* духовное наследие
38 *Елена Силантьева.* С любимыми не расставайтесь!
42 Цивилизационный путь России. Семинар в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре
46 *Архимандрит Георгий (Шестун).* Назад, в будущее
50 *Архимандрит Лука (Головков).* Иконография новомучеников



- 11** *Валерий Расторгуев.* С минувшим не разминуться: какой он – Семнадцатый роковой?
14 *Виктор Тростников.* Как большевистское иго спасло Третий Рим
18 XX век: какой кредит нам выдала история?
22 *Архимандрит Ианнуарий (Недачин).* Все хорошо, что Бог устраивает



56 *Ольга Орлова.* Новая жизнь в память всех новомучеников

64 *Марина Климова.* Памяти русских воинов

БЛАГОДАТНЫЙ ДОМ

66 *Протоиерей Валериан Кречетов.* Родительский крест

70 *Дина Качанова.* Быть человеком

ШКОЛА ПРАВОСЛАВИЯ

74 *Темыр Хагуров, Андрей Остапенко.* От кризиса языка к хаосу в головах

79 *Инна Орлова.* Международная православная школа

Доброе чтение

84 Просвещение через книгу

Доброе кино

85 *Ирина Ушакова.* Тихие Ангелы русской истории

88 *Ирина Васильева.* Авель, где брат твой?

Цикл «Возвращение на Родину»

90 *Лина Мкртчян.* Великая русская культура и революция

На заметку паломнику

94 *Владимир Рудаков.* Путь апостола Иакова – дорога к самому себе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Архиепископ Верейский Евгений –
председатель

Митрополит Ташкентский и Узбекистанский
Викентий

Митрополит Черногорско-Приморский
Амфилохий

Архиепископ Женевский и Западно-
Европейский Михаил

Схиархимандрит Илий (Ноздрин)

Архимандрит Георгий (Шестун)

Архимандрит Амвросий (Макар)

Архимандрит Платон (Игумнов)

Игумен Дамаскин (Орловский)

Игумен Киприан (Яценко) –

главный редактор

Протоиерей Борис Левшенко

Протоиерей Валериан Кречетов

Протоиерей Владимир Волгин

Протоиерей Владислав Цыпин

Протоиерей Георгий Климов

Анатолий Дмитриевич Заблоцкий

Александр Николаевич Костюченко

Владимир Николаевич Крупин

Андрей Александрович Остапенко

Валерий Николаевич Расторгуев

Игорь Павлович Рязанцев

Виктор Николаевич Тростников

Сергей Юрьевич Яковлев

РЕДАКЦИЯ:

Заместитель главного редактора –
Сергей Носов

Литературный редактор – Татьяна Егорова

Ведущие редакторы разделов: Ольга

Каменева, Ольга Орлова, Ирина Ушакова

Корректор – Татьяна Багирова-Медведева

Ответственный секретарь – Ольга Туева

Расшифровка аудиозаписей – Елена Зиверт

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ –

Фонд сохранения духовно-нравственной
культуры «Покров»

Свидетельство о регистрации

ПИ №ФС77-51164 от 13.09.2012

ISSN 2079-3227

Адрес: 109028, Москва, ул. Солянка,

д. 9А, стр. 1. Тел./факс: 8(495) 625-93-20,

8(495) 625-72-26. E-mail: info@pokrov.pro

Сайт www.pokrov.pro

vk.com/pokrov.magazine

ok.ru/pokrov.magazine

facebook.com/pokrov.magazine

Отдел распространения и подписки

Тел.: 8-916-002-02-18

Тираж 8000 экз.

Подписной индекс агентства «Роспечать»

– 25941

Подписной индекс каталога «Почта России»

– 99964

Подписано в печать 13 января 2017 г.

Отпечатано в ООО «Полезная типография»

info@tallerprint.ru

Тел.: +7(495) 580-66-25

Редакция журнала «Покров» благодарит благодетелей и просит молиться о здравии **Андрея, Екатерины, Владимира, Константина, Елены, Евгении, Наталии** и их родственников – **отр. Всеволода, млад. Александры**, пожертвовавших денежные средства на издание журнала «Покров».

Также просим помолиться о упокоении родственников наших благодетелей – **Виктора** (14.05.1948 – 23.10.2001) и **Наталии** (05.12.1947 – 15.05.2004) Морозовых и их близких – **Екатерины, Александра, Анны, Андрея, Анны, Валентины, Александра, Михаила**.

Журналу «Покров» – 20 лет!

В этом году исполняется 20 лет нашему изданию, которое выходит с 1997 г. по благословению архимандрита Кирилла (Павлова). Будем благодарны за любое посильное пожертвование, а также за организацию подписки ваших знакомых на наш журнал духовно-нравственной культуры «Покров».

Сообщите ваши имена для сугубого поминовения в Троице-Сергиевой Лавре у раки Преподобного Сергия.

Наши банковские реквизиты:

Фонд сохранения духовно-нравственной культуры «Покров»

ОГРН 1117799024782

ИНН 7725350767

КПП 772501001

Р/с 40703810900760000173 в Филиал «Центральный» Банка ВТБ

(ПАО), г. Москва

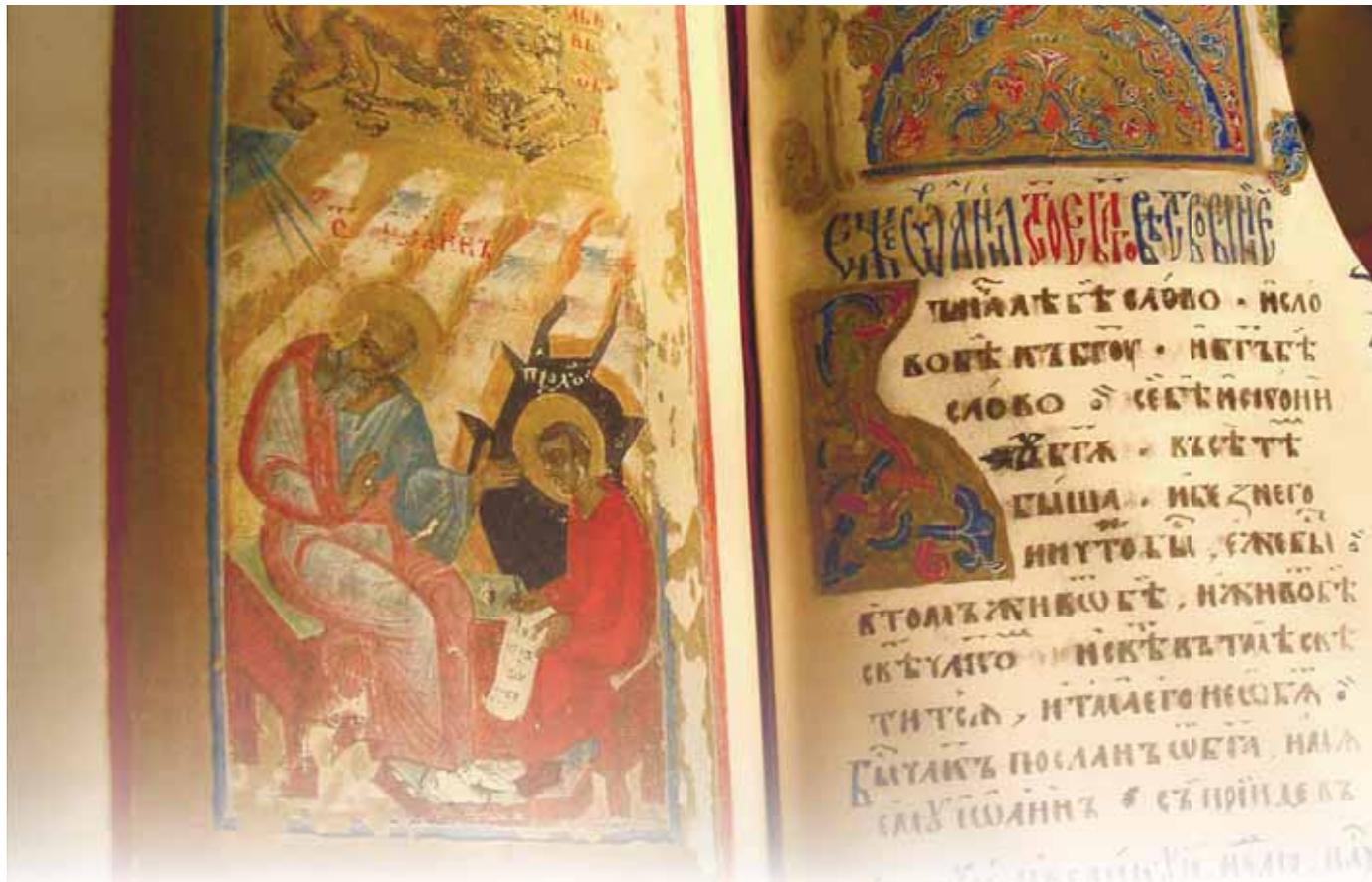
БИК 044525411

К/с 30101810145250000411

*Просим наших читателей соборно читать вместе с
сотрудниками редакции Акафист Покрову Божией Матери
по воскресеньям в 20.00.*

От кризиса языка к хаосу в головах

Языковые интервенции как причины духовной деградации молодежи¹



В начале было Слово
(Ин. 1:1)

Господствующим философским и культурным течением современности стал постмодернизм, суть которого можно определить как философию неверия и различения. Неверия в Истины и Ценности. Вслед за софистами и скептиками (его первопроходцами) постмодернизм заявил о «кризисе больших идей» – идей Бога, Разума, Прогресса и т.п.² Нет Истины – есть бесконечное множество малых истин – интерпретаций действительности, мнений. Нет добра и зла – есть просто разные названия того, что нравится или нет. Отнюдь не случайно в центре сложных, а часто намеренно запутанных построений постмодернизма находится вопрос о языке, а в центре этого вопроса – вопрос о том, как связано слово и бытие, вопрос о связи означающего и означаемого. Это вопрос отнюдь не отвлеченный, а вполне жизненный, вполне практический. Задумаемся: то, что мы в какой-то ситуации называем «добром» или, например, «любовью», действительно ли является таковым? Или это просто названия, не имеющие под собой оснований в реальности? И кто-то может назвать это же «злом» или «обманом чувства»? И не надо отговорок в стиле

«каждый имеет право думать по-своему». Разумеется, люди часто спорят по поводу того, как определить конкретные вещи, явления или события, но речь ведь идет о другом – о принципиальной возможности такого определения.

Классическое сознание, неважно – религиозное или научное, целиком верит в возможность ясного определения – установления объективной Истины. Сознание неклассическое усматривает на этом пути существенные сложности, обращает внимание на метод определения, но от самой веры в возможность обретения Истины, пусть даже проблематичной и неполной, не отказывается. Сознание же постнеклассическое (постмодернистское) от этой веры отказывается вовсе, заменяя Истину (а значит, и ложь) бесконечным множеством равнозначных и равноценных интерпретаций, то есть мнений. Наука, политика, религия – все сферы человеческой жизни, где ведущая роль принадлежит слову, выражаются в «языковые игры» – ни к чему не обязывающие и не имеющие иной ценности, кроме эстетической или прагматической, да и те оказываются сомнительными. Красота или польза – тоже оказывает-

ся спорные вещи. К каким последствиям это приводит?

Главное последствие – это утрата способности различать. Различать высокое и низкое, важное и мелочное, красивое и уродливое, уместное и не очень, истинное и ложное, умное и глупое. Утрата способности к различению добра и зла достаточно быстро ведет к потере очень важного – человечности, ведет к расчеловечиванию. Человек создается системой различений и следующих из них запретов и предписаний. «Хорошо/плохо» и «должен/нельзя» – вот система координат, в которой происходит формирование личности. Вне этих координат полноценной социализации не получится. Это не значит, что эти координаты достаточны, но они совершенно необходимы. Иначе вместо нормального человека, способного к нравственной регуляции поведения, мы получаем социопата, опасного для себя и окружающих. Различать и на основании этого различения строить свое поведение – вот фундаментальное свойство человека, прямо вытекающее из его разумности и того, что И. Кант называл «нравственным законом».

Главный инструмент различения – это слова. И подлинное различение возможно лишь тогда, когда мы верим в то, что слова действительно что-то означают. Говоря о силе слова, И. Бродский (поэты умеют в ярких образах схватывать сложные мысли философов) писал:

*Дорогая, несчастных –
Нет, нет мертвых, живых.
Все – только пир согласных
На их ножках кривых...*

Буквальное прочтение этого отрывка на первый взгляд и есть махровый пост-модернизм. Но поэт продолжает:

*Видно, сильно превысил
Свою роль Свинопас,
Чей нетронутый бисер
Переживет всех нас.*

Здесь явная отсылка к источнику слова – Богу, дающему дар слова тем, кто даже не в состоянии его до конца оценить. Другими словами, поэт говорит о глубочайшей онтологичности слова, его привязке к глубинам бытия. Именно отсюда замечательная мысль И. Бродского о том, что язык гораздо умнее говорящих на нем.

Все сказанное схематично отражает суть дискуссий о философии языка в XX веке.

Однако при чем тут молодежный экстремизм? Дело в том, что во всех политических потрясениях последних десятилетий, взорвавших целые регионы (от Северной Африки до Украины), именно молодежь была главным детонатором протестов и столкновений. На примере

братской Украины и других стран, переживших цветные революции (Ливия, Египет, Тунис, Сирия), мы наглядно видим, как вдохновленная лозунгами (то есть словами!) и выходящая на площадь молодежь становится тараном, разрушающим общество и государство. Разумеется, за спинами наивно-озверевшей молодежи, бросающей «коктейли Молотова» во имя «восстановления исторической справедливости», всегда стоят совсем другие люди – взрослые, умные, холодные и злые. Но о них разговор особый, требующий другой аналитики и другого формата обсуждения.

В этой же статье нам бы хотелось поговорить о тех деформациях языка, слова, последствия которых отдаются эхом на площадях и улицах, охваченных огнем протестов и столкновений. Уместен вопрос: а не преувеличиваем ли мы значение обсуждаемого предмета? В конце концов, кризис языка – проблема скорее культурологов и эстетов, а не политиков. Однако не все так просто. Неслучайно очень часто вопрос о языке превращался в важнейший политический вопрос. Примером может служить отношение к русскому языку в современной Украине.

Это связано с тем, что любой народ вообще, а имперский, объединяющий в себе много этносов и культур, в особенности, создают, прежде всего, две важнейшие скрепы: общий язык и общую историю. Это – историософская аксиома. И когда народ пытаются уничтожить (принизить, поработить и т.п.), то всегда ведут главную войну против языка и истории. В этой войне выигрывают и побеждают не солдаты и генералы, а учителя истории и литературы и министры образования. Проблем истории мы уже касались³, обратимся к проблемам языка.

Итак, язык – это важнейшая скрепа, объединяющая нации и народности в один большой народ. В виду сложности и обширности этой темы скажем лишь самое главное.

Людям, составляющим народ, важно не просто изъясняться так, чтобы понимать друг друга, им нужно нечто большее. Это большее – единство образов, метафор и выражаемых ими смыс-

Любой народ вообще, а имперский, объединяющий в себе много этносов и культур, в особенности, создают, прежде всего, две важнейшие скрепы: общий язык и общую историю

Расшифровка вывески: Научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии Государственного учреждения «Научный центр реконструктивной и восстановительной хирургии» Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук



Последствия войны с языком нам нужно изживать не менее яростно, чем последствия войны с историей, если мы хотим сохраться как целое, как народ, имеющий общие смыслы и ценности

лов и ценностей, единство понимания сути и назначения человека и вопросов человеческого бытия, единство героев и примеров, на которых можно воспитывать детей и объяснять им сложность и противоречивость жизни. Все это дает народу его литература, несущая и сохраняющая его язык – хранилище смыслов и образов. Для нашего великого народа таким хранилищем, безусловно, есть язык великой русской литературы, представляющей собой одну из величайших вершин мирового литературного смыслотворчества. Однако неправильно, как это иногда делается, сводить великую русскую⁴ литературу к ее золотому веку – уникальным по своей глубине и выразительности творениям Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова и других классиков. Это, вне всякого сомнения, ядро нашей литературы, но вся она намного шире. Величие русской литературы в том, что она смогла вобрать в себя гениальных представителей всех народов большой России. Наша великая литература всегда была интернациональной. Наиболее ярко это проявилось, конечно, в советский период. Наряду с Горьким, Шолоховым и Шукшиным в русскую литературу на равных вошли и пламенные кавказские рифмы Расула Гамзатова, и пронзительная проза Чингиза Айтматова, и сочная и реалистичная проза адыга Тембота Керашева и украинца Павла Загребельного, и огромное количество других произведений, этнически самых разных писателей, поэтов и драматургов. И в этом смысле русский язык, язык большой русской литературы, – поистине язык интернациональный, вобравший в себя правду всех без исключения народов и этносов нашего общего дома – государства Российского. Русский язык помог им выразить эту правду и мудрость.

Но нужно понимать и то, что русский язык, язык русской литературы, тоже стал объектом войны. И последствия войны с языком нам нужно изживать не менее яростно, чем последствия войны с историей, если мы хотим сохраниться как единый народ, имеющий общие смыслы и ценности. Ведь именно язык – их хранилище.

Русский язык пережил в последние 20–25 лет как минимум пять (!) мощнейших и сокрушительных *интервенций*.

Первая из них – это *интервенция криминального сленга* (по-научному «арго», в просторечии – «феня»), захлестнувшего страну в конце 1980-х – начале 1990-х. На «фене» заговорили вдруг все – студенты и преподаватели, киногерои и ведущие телепрограмм, политики и философы. Слова «кинуть», «замочить», «забить стрелку»,

«беспредел», «лох» и т.п. стали обидной частью нашего языка. Это очень небезобидная вещь, связанная с проникновением в массовое сознание (вместе с языком) элементов криминальной психологии. Возникла мода на криминальную романтику, в значительной мере спровоцированная кинематографом и другими масс-медиа. Соответственно, не приходится удивляться кратному увеличению масштабов преступности в постсоветской России. Параллельно с распространением «фени» происходило интенсивное ратабуирование мата, вдруг ставшего языком не только алкоголиков и бомжей, но и вполне приличных парней-студентов и милостивых девушек-школьниц.

Вместе с языком криминальной подворотни в нашу повседневность вошли несомые этим языком смыслы – «блатная» идеология – «понятия». Суть этой идеологии часто замыливается в сознании обывателя слезливо-мелодраматичным, присвоившим себе название «шансон», криминальным фольклором (типа «Голуби летят над нашей зоной»). Это идеология социальных хищников, безжалостных к слабым, идеология превосходства «право имеющих» над «тварями дрожащими» (в криминальном варианте – «лохами»). Идеология эта проникла повсеместно: и в нормы ведения бизнеса, и в отношения с коллегами, и в подростковые компании, и даже – в отношения мужчин и женщин. «Развести» и «кинуть» – стали не просто экзотическими словами, а вполне реальными аспектами повседневных взаимоотношений соседей, коллег и однокурсников, а песня «Гоп-стоп» зазвучала со сцены Кремлевского Дворца.

Вторая травмирующая язык интервенция – это *интервенция англицизмов*, хлынувших в нашу повседневность вместе с перестройкой и «феней». «Маркетинг», «менеджмент», «контроллинг», «аутсорсинг», «логистика», «лизинг» и т.п. – стали словами-метками, отделяющими «продвинутых» от «отсталых». В школах тьюторов, аниматоров, модераторов, фасилитаторов и омбудсменов стало чуть ли не больше, чем учителей и воспитателей. Заимствуя и активно используя весь этот англоязычный бизнес-сленг, мы все признаем одно печальное обстоятельство: русский язык перестает быть языком современности. Им стал английский, причем в корябщем слух людей, получивших классическое инязовское образование, варианте American-English. Показательно, что на Первом съезде Общества русской словесности 16 мая 2016 г. его председатель Святейший Патриарх Кирилл задал вопрос: «Почему латинское слово «тенденция» заменили английским «тренд»? Показать об-

разованность, что ли? Для меня это очень плохой признак».

Третья интервенция была, по-моему, хуже двух предыдущих. Речь идет об *интернет-сленге*, буквально взорвавшем русский язык упрощениями, коверканиями и сокращениями как в письменной, так и в устной речи. Вот только некоторые примеры: «Наши рууууляют форееваааа!!! Приве-е-ед, Пушистый! Откуда такой ко-ошерный аватар надыбал? Жжжешш смертельно!!! Ржжжунимагу! Чуууовой фильмец вчера видала!» И если лет 10–15 назад учителя охали по поводу того, что подростки перешли на междометия, то сегодня междометия заменены чем-то еще более отвратительным.

Четвертая интервенция связана с повсеместной *аббревиацией* всего и вся. Аббревиатуры послереволюционной эпохи столетней давности, по поводу которых сокрушался Константин Бальмонт («Россия превратилась в РСФСР, а потом обернулась в СССР, где, протестуя манифестируя триумф коммунистической идеи и манифестацией пропагандно гипнотизируя весь комплекс цивилизации, солидаризируются ВЦИК, ЧК, Сорабис, рабфаки, Центрогук и комсомол»), оказались бледными цветочками в сравнении с сегодняшними неприличностями. В наибольшей степени это почему-то ударило по системе образования. Воспитатели и педагоги дополнительного образования уже ходили на работу в МУДО⁵. Сами понимаете, что они должны были называться «мудодками» или «мудистками». Когда вдруг поняли, что такое слово в словаре великорусского языка В.И. Даля уже есть и имеет строго определенный смысл, срочно еще раз переименовали детские сады в МДОУ⁶, а центры детского творчества в МУДОД⁷. Учителя теперь ходят на работу в МОУСОШ⁸, где две буквы «О» обозначают по чьему-то недогляду одно и то же. Управленцы ходят на работу в УОМО⁹, где две буквы «О» обозначают совсем разное, хоть и соответствуют одному слову (у филологов называется омонимом). Высший пилотаж аббревиации в образовании – это МУДОФОН (муниципальное учреждение дополнительного образования физкультурно-оздоровительной направленности). Например, МУДОФОН «Центр спорта для детей и юношества» или МУДОФОН «Центр массового спорта».

И все эти люди бесконечно занимаются БУПами¹⁰, НСОТаами¹¹, ФОТаами¹², СтэПаами¹³, ПопСоветами¹⁴, КПОМО¹⁵, а в конце учебного года на языке у них только МЭКи¹⁶, ТЭКи¹⁷, РЭКи¹⁸, ОУППЭ¹⁹, РЦОИ²⁰, ЦОКО²¹, потому что ЕГЭ²². И все это вместе взятое называется ПНПО²³. Такой вот сленг. Непосвященному вход воспрещен.

Была когда-то в ходу сатирическая чашка – ее исполняли Павел Рудаков и Вениамин Нечаев:

*Марки есть сельхозмашин –
КХУ, КХ-1.*

*Там такие марки есть –
Неприлично вслух прочесть!..*

Результатом этих четырех интервенций, произошедших почти синхронно, стала резкая примитивизация прежде всего языка молодежи, все более напоминающего язык Элочки-людоедки, обогащенный матом и бизнес-терминами.

Однако самой страшной была, наверное, *пятая* интервенция, связанная не столько с языком как таковым, сколько с *трансформацией самой литературы* и опирающегося на нее кинематографа. Об этом очень хорошо писал В. Ерофеев в предисловии к сборнику «Русские цветы зла»: «Разрушилась хорошо охранявшаяся в классической литературе стена <...> между агентами жизни и смерти (положительными и отрицательными героями). Каждый может неожиданно и немотивированно стать носителем разрушительного начала; обратное движение затруднено. <...> Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к «грязному» слову, мату как детонатору текста. Новая литература колеблется между «черным» отчаянием и вполне циничным равнодушием. В литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи – это вонь. Все смердит: смерть, секс, старость, плохая пицца, быт. <...> На место психологической прозы приходит патопсихологическая»²⁴.

Это очень точный диагноз произошедшего в современной русской литературе и культуре, которая вопреки модным идеям всегда определяется именно литературой, а отнюдь не интернетом и кинематографом, ибо они – всегда вторичны по отношению к литературе. Об этом очень правильно и точно пишет тонкий западный интеллектуал У. Эко в своей статье «От интернета к Гутенбергу»²⁵. Можно назвать произошедшее интервенцией зла, приведшей к чудовищной вещи – инверсии героев. На смену традиционному герою – «хорошему парню», сражающемуся с «плохими парнями» за высокие идеалы, – пришел новый герой – симпатичный негодяй, сражающийся с еще большими негодяями за деньги и успех.

Если мы принимаем лукавый постмодернистский тезис о том, что «слова – это просто названия», затем соглашаемся, что «у каждого своя правда», то мы перестаем отличать истину от лжи, добро от зла.



Если мы принимаем лукавый постмодернистский тезис о том, что «слова – это просто названия», затем соглашаемся, что «у каждого своя правда», то мы перестаем отличать истину от лжи, добро от зла

Еще немного – и мы уже готовы признать равнозначность «справды жертв» и «справды убийц». Популярные фильмы типа «Основного инстинкта», «Криминального чтива», «Молчания ягнят», «Парфюмера» и т.п. – они именно об этом. С легкой руки постмодернистского искусства мы уже давно учимся смотреть на мир глазами разно-

истинные и ложные, отменяя их различие. В такой интерпретации Раскольников и Соня Мармеладова превращаются в веселых любовников-разбойников типа Бони и Клайда, по-робингудски избавляющих старуху-процентщицу от лишней денежных знаков и счастливых своей «крутостью». Совсем «другое кино», не правда ли...

Это и называется *дегуманизация*, или *расчеловечивание*. Если нет ни добра, ни зла, ни низкого, ни высокого, ни чести, ни достоинства, то *с чем остается человек и что остается от человека?* Ответ, который дает и теория (в лице интеллектуалов-постмодернистов от Аристиппа до М. Фуко), и, главное, историческая практика (опыт всех эпох декаданса) прост: принцип удовольствия. Именно он объявляется главным началом и главной реальностью. Это естественно, когда ни во что не веришь, только удовольствие и страдание (в пределе – смерть) остаются реальными. Вся постмодернистская этика и эстетика строятся вокруг заигрывания с темами смерти и удовольствия. При этом срабатывает печальный эффект: неверие в высшие смыслы и ценности порождает поклонение низу – телесности, гипертрофированному принципу удовольствия. Постмодернисты не верят, что человек может быть выше своего желудка или своих гениталий, все попытки подняться выше, воспринимаются ими как «насилие над естественной человеческой природой». Лозунг «жить нужно в кайф» приобретает статус закона бытия. Потерявший же способность различать и убаюканный кайфом человек стремительно утрачивает свою человечность во всех измерениях: духовном, нравственном, интеллектуальном, психологическом и, наконец, физическом.

Сказанное, разумеется, схематично, но любое развернутое обсуждение упомянутых процессов потребует отдельной книги.

АВТОРЫ



Темыр Айтчевич Хагуров (справа), доктор социологических наук, профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН

Андрей Александрович Остапенко, доктор педагогических наук, профессор Кубанского государственного университета, Екатеринодарской духовной семинарии

го рода патологических персонажей: воров, убийц, маньяков, проституток, вампиров, зомби, инопланетян, безумных роботов и тому подобной публики. И отчасти принимать этот взгляд, становясь внутренне (пусть на мгновения, но все же...) тем, чей взгляд мы принимаем. Это не преувеличение, а простая констатация законов восприятия художественных образов, основанных на эмпатии и отождествлении. На первый взгляд, это похоже на наиболее смелые опыты искусства классического, экспериментирующего с реализмом. Например, персонажи Достоевского – те же убийцы и проститутки... Но это сходство только видимое, суть прямо противоположна. У Достоевского и других классиков патологические герои через страдания, через покаяние и искупление, через катарсис поднимаются до приобщения к истинным ценностям. Постмодернизм же уравнивает ценности

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ (проект №15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона»).

² См. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с ф. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

³ См.: Хагуров Т.А. Война, которую может выиграть учитель истории и литературы. Размышления социолога к 150-летию окончания Кавказской войны // Основы православной культуры в школе. 2014. №4. С. 10–23.

⁴ В значении The Russians, как называют в англоязычном мире всех выходцев из России.

⁵ МУДО – муниципальное учреждение дошкольного образования, муниципальное учреждение дополнительного образования.

⁶ МДОУ – муниципальное дошкольное образовательное учреждение.

⁷ МУДОД – муниципальное учреждение дошкольного образования детей.

⁸ МОУСОШ – муниципальное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа.

⁹ УОМО – управление образования муниципального образования.

¹⁰ БУП – базисный учебный план.

¹¹ НСОТ – новая система оплаты труда.

¹² ФОТ – фонд оплаты труда.

¹³ СтэП – стоимость педагогической услуги.

¹⁴ ПопСовет – попечительский совет.

¹⁵ КПМО – комплексный проект модернизации образования.

¹⁶ МЭК – муниципальная экзаменационная комиссия.

¹⁷ ТЭК – территориальная экзаменационная комиссия.

¹⁸ РЭК – региональная экзаменационная комиссия.

¹⁹ ОУППЭ – образовательное учреждение – пункт приема экзаменов.

²⁰ РЦОИ – региональный центр обработки информации.

²¹ ЦОКО – центр оценки качества образования.

²² ЕГЭ – единый государственный экзамен.

²³ ПНПО – приоритетный национальный проект «Образование».

²⁴ Ерофеев В. Русские цветы зла. М.: Зебра Е, 2004.

²⁵ Эко У. Интернета к Гутенбергу // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 5–14